

«НЕИЗВЕСТНЫЙ Н.Я. МЯСКОВСКИЙ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА»

Под таким названием с 3 марта по 20 апреля с.г. прошел фестиваль, посвященный 125-летию со дня рождения выдающегося русского музыканта, главы московской композиторской школы, музыкального писателя, критика и общественного деятеля, человека энциклопедических знаний и эрудиции. Фестиваль этот был приурочен к празднованию 140-летия со дня основания Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского, с которой Мясковский связал свою судьбу на тридцать последних лет жизни.

Программа фестиваля включила собственно концертную часть и научную конференцию (руководитель конференции Е. Долинская), в которой участвовали исследователи творчества композитора не только из Москвы (Е. Дурандина, И. Немировская, В. Келле, М. Сегельман, Е. Потяркина), но из Асбеста (Т. Билалова), Екатеринбурга (Л. Шабалина, М. Басок, О. Шелудякова), Ашхабада (Ф. Абукова), Саратова (А. Демченко), а также композитор А. Комиссаренко, исполнители Е. Волков, Р. Бельшев, М. Кустов; с воспоминаниями о Николае Яковлевиче выступили К. Хачатурян и Т. Федоровская.

Собственно концертные программы экспонировали не только творчество самого Мясковского, но и его современников. В трех вечерах в Рахманиновском зале известный пианист Михаил Лидский сыграл все сонаты Мясковского (факт исключительный в истории отечественной музыки XX столетия). Вокально-му творчеству композитора был посвящен концерт тоже в Рахманиновском зале, где прозвучали романсы разных лет на стихи русских и зарубежных поэтов. В том

же зале Кафедра камерного ансамбля и квартета представила

программу, где молодые исполнители озвучили, увы, редко звучащие сегодня страницы богатейшего камерного наследия композитора: Сонату для скрипки и фортепиано, соч. 70, Первую сонату для виолончели, Девятый струнный квартет, а также фрагменты из сюиты «Мадригал» из цикла «Из юношеских лет» на слова К. Бальмонта, из «Тетради лирики».

Программа «Мясковский и его время» включала вокальные и инструментальные произведения Н. Мясковского, С. Прокофьева, А. Хачатуряна, В. Шебалина, Д. Кабалевского, Ю. Шапорина, Д. Шостаковича, В. Нечаева, Ан. Александрова, А. Гедике. В Большом зале Московской консерватории в исполнении Симфонического оркестра консерватории под управлением Анатолия Леви-на прозвучали Концерт для вио-

лончели с оркестром Мясковского (солист Александр Бузлов) и Пятая симфония Прокофьева.

К празднованию 125-летия со дня рождения Мясковского был выпущен содержательный и прекрасно оформленный буклет (редактор-составитель М. Соколова, музыкальные редакторы Е. Цыбо, Т. Пан). Иконографический материал был представлен Государственным центральным музеем музыкальной культуры имени М.И. Глинки. В настоящем материале мы приводим некоторые высказывания музыкантов, помещенные на страницах буклета.

Е. Долинская: «Мясковский и XXI век... Как складываются взаимоотношения композиторского наследия с запросами современных исполнителей — покажет время. А если оглянуться назад к столетию, в которое практически полностью вместились жизнь и творчество крупнейшего деятеля отечественной культуры, то картина окажется весьма пёстрой. При жизни мастера прозвучали далеко не все из его 27 симфоний. Последняя из них была триумфально исполнена уже после завершения его земного пути; Двадцать шестая, написанная на древнерусские темы (в том числе, проникновеннейший «Плач странствующего»), оказалась неслышанной и непонятой современниками. В частности, Д. Кабалевский, ученик и друг Мясковского, говорил своему учителю с осуждением: «Зачем Вы возитесь с этим старьем?».

Непонимание современников, не только слушателей, но и композиторов, коллег по цеху, недооценка сделанного — удел многих творцов. Однако вкус этой горькой чаши был как бы приглушен поразительной, многолетней дружбой Мясковского с Прокофьевым...

Он был русским интеллигентом чеховского склада, из тех великих музыкантов, что говорить о себе не любили, а писать о своей персоне — тем более. Вместе с тем он был талантливейшим музыкальным писателем, много сотрудничавшим с отечественной периодикой, и, по всеобщему признанию, авторитетнейшим «экспертом» современного творчества, чьи заметки и эссе способствовали свободе развития отечественного музыкального искусства».

Т. Хренников: «Симфонии — их у Мясковского двадцать семь — не все равноценны. Например, Шестая — это гениальная симфония, она может соперничать с Шестой Чайковского; Пятая симфония — великолепная, Шестнадцатая... У него много тематических симфоний (например, «Колхозная»), но названия не имеют значения. Последняя, Двадцать седьмая, — совершенно изумительная симфония. Даже если некоторые симфонии могут показаться более бледными, это абсолютно не имеет никакого значения. Симфоническое творчество Мясковского нужно брать целиком, как это гениально сделал Светланов, который незадолго до своей смерти записал все симфонии Мясковского — он единственный это сделал. Ведь Светланов был первым исполнителем последних симфоний Мясковского. Теперь они останутся навечно — и в памяти музыкантов, и в истории музыки — именно в трактовке Евгения Светланова, который был поклонником Мясковского до конца своих дней. Честь ему и хвала! Эти записи стали событием в музыкальной культуре, потому что, несмотря на неравноценность симфоний Мясковского, все вместе они представляют богатство русского симфонического творчества».

Р. Леденев: «Мясковский был настоящим бескомпромиссным художником, он никогда не заигрывал с публикой, не пытался облегчить ей контакт со своей музыкой. Он не шел ни на какие уступки и, по-моему, был на сто процентов честен в своей музыке. Музыка Мясковского — несколько сумрачная, открытого веселья я в ней не знаю; она не то, чтобы с надломом каким-то, но в ней есть какая-то сдержанность выражения».

Видимо, в его жизни были основания для такого мироощущения. И мир его музыки такой. Может быть, и хорошо, что он такой, потому что мы имеем очень цельного художника. Он таков; каков он есть. У меня ощущение — не мое личное (я все время в разговорах о Мясковском слышу мысли других), что его время еще не пришло. Придет ли оно — другой вопрос. Я думаю, сыграло роль еще то, что рядом с Мясковским были Прокофьев, Шостакович, Хачатурян. Их музыка — более броская: она задевает своей остротой, необычными образами, мощью — у Шостаковича, изяществом и гармоническими пикантностями — у Прокофьева, ослепительным восточным колоритом — у Хачатуряна. И поэтому, мне кажется, Мясковский больше был в тени, а потом так это и осталось. Но сейчас, когда острота в музыке, если можно так сказать, потеряла свою остроту, — не так уже этого хочется. Сейчас хочется большего покоя, большей сосредоточенности, больше человеческого существа: не массы людей, как у Шостаковича, а быть ближе к индивидуальной душе. И мне кажется, именно поэтому Мясковский и еще некоторые композиторы должны привлечь к себе большое внимание»...